

О НЕОСИНКРЕТИЗМЕ СУБЪЕКТНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РУССКОЙ ЛИРИКИ НАЧАЛА XX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ А. АХМАТОВОЙ, М. ЦВЕТАЕВОЙ, А. БАРКОВОЙ)

Екатерина Локтевич

Гродненский государственный университет
им. Янки Купалы

В статье рассматривается русская лирика начала XX в., которой свойственен синтез разнообразных коммуникативных стратегий. Автор полагает, что индивидуализация субъектно-объектных отношений в поэзии А. Ахматовой, М. Цветаевой и А. Барковой основывается на согласовании трех типов субъектной организации, демонстрирующей сущность неосинкретизма как одного из принципов неклассической поэтики. Результатом сочленения различных концепций бытия в эстетическом содержании лирики начала XX в. явился феномен идейно-субъектной пограничности, оказывавший влияние на структуру поэтического текста: на статус субъектов и объектов и на их функции в соответствии с религиозно-философским мировоззрением поэта.

Ключевые слова: лирика, субъектная организация, коммуникативные стратегии, взаимодействие субъекта и объекта, пограничность.

Keywords: lyrics, subject organization, communicative strategy, subject-object relations, borderline.

Исследование специфики неклассического этапа эпохи художественной модальности¹ в коммуникативном аспекте осуществляется в работах многих исследователей XX – начала XXI вв. (А. Н. Веселовского, Ю. М. Лотмана, О. М. Фрейденберг, С. С. Аверинцева,

А. А. Ханзен-Леве, С. Н. Бройтмана, Ю. И. Левина, З. Г. Минц, О. А. Клинга и др.). Однако выявление основных положений формировавшейся в конце XIX в. эстетики – достаточно сложный процесс, так как установка на синтез противоположных тенденций (межсубъектность и единственность) актуализировала стремление к анализу героем своей автономности с позиции другого субъекта сознания. Такой процесс анализа, по мнению С. Н. Бройтмана, помог «я» глубже ощутить необходимость диалогической ориентации на «другого», увидеть свою причастность к нему (Бройтман 1997, 215).

¹ Понятие художественная модальность (С. Н. Бройтман) семантически восходит к понятиям личное творчество (А. Н. Веселовский), эстетика противопоставлений (Ю. М. Лотман), преодоление риторической культуры (О. М. Фрейденберг), неотрадиционалистская (неканоническая) поэтика (С. С. Аверинцев). С. Н. Бройтман выделяет в эпохе художественной модальности классический (середина XVIII в. – 80-е гг. XIX в.) и неклассический (конец XIX в. и весь XX в.) периоды.

Установка на диалогизм, характерная для современных подходов к исследованию литературного творчества, реализуется и в процессе изучения **субъектной организации**² лирики. Проблема диалогических отношений между автором, героем и читателем была концептуально представлена еще в работах М. М. Бахтина. Именно отношения между субъектами художественного произведения создают, по мнению ученого, эстетическую реальность, ведь «эстетическое событие может совершиться лишь при двух участниках, предполагает два несовпадающих сознания» (Бахтин 1979, 22).

Изучая динамику творческих методов, В. И. Тюпа продолжает размышления Бахтина, понимая под **художественностью** «коммуникативное содержание эстетического восприятия формы» (Тамарченко, Тюпа, Бройтман 2008, 92). Литературовед убежден, что каждая новая парадигма художественности не может устранить освоенное ранее, так как происходит их постоянная аккумуляция. Ю. И. Левин, анализируя диалогическую природу поэзии, подчеркивает: «Автокоммуникативный акт, сопутствующий созданию стихотворения (разговор поэта с собой), как бы проецируется в акт восприятия стихотворения, делая этот акт разговором читателя с собой» (Левин 1998, 466). Концентрация автора на идейно-эстетической составляющей поэтического творчества формирует параметры мировосприятия, заданные адресату. Такое воздействие задает

² Термин **субъектная организация**, введенный Б. О. Корманом, обозначает «соотнесенность всех отрывков текста, составляющих в совокупности данное произведение, с используемыми в нем субъектами» (Корман 2003, 29).

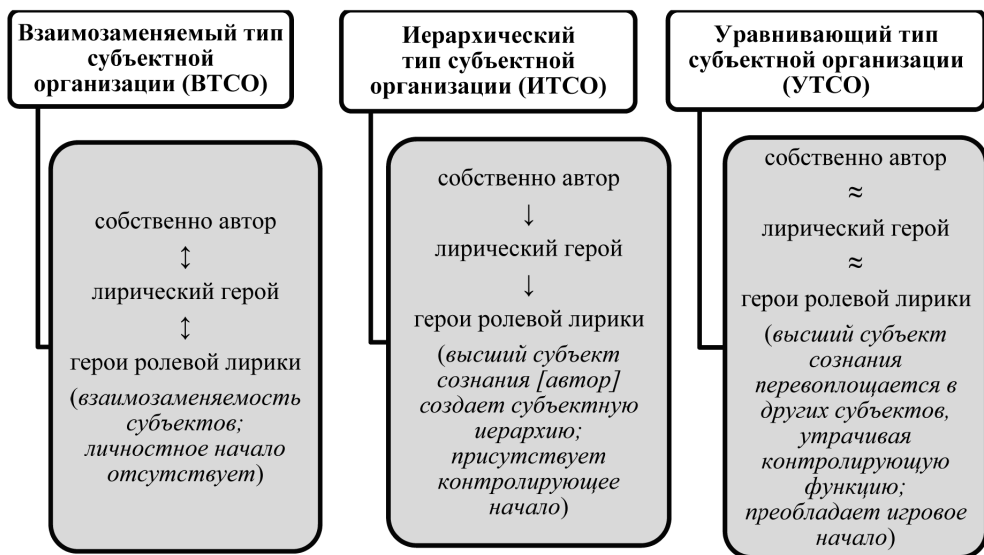
установки для проектирования системы ценностей, определенной высшим субъектом сознания (автором).

Начало XX в. в России – время активных духовных поисков, поэтому причины **субъектного неосинкретизма**³ в лирике этого периода необходимо рассматривать в их связи с религиозно-философскими воззрениями поэтов, определявших для себя идеальную **коммуникативную стратегию**⁴. Религиозное мировоззрение поэтов отразило синтез языческих представлений о мире и человеке (Боги ↔ Люди; субъектный показатель – множественность), основ традиционного христианства (Бог → человек; субъектный показатель – дистанцированность) и принципов неохристианства (Бог ≈ человек; субъектный показатель – уравнивание). Религиозно-философская авторская интерпретация семантики категорий **бытие, небытие и инобытие**⁵, по нашему мнению, является одной из основных причин, объясняющих использование

³ Данное понятие, введенное в научный оборот С. Н. Бройтманом, обозначает принцип неклассической поэтики, указывающий на художественно сознательное обыгрывание вновь обретенной дополненности и единораздельности «я» и «другого».

⁴ В. И. Тюпа предложил использовать при дискурсном анализе художественного текста это понятие, предполагающее «некий алгоритм коммуникативного поведения говорящего / пишущего по отношению к объекту речи, к ее адресату и к своему авторству» (Тюпа 2009, 274).

⁵ Под **инобытием** мы понимаем противоположность **бытию** как земной жизни / существованию. В таком сопоставлении бытие имеет значение **идеального бытия**, конструируемого сознанием с целью абстрагирования от реальной действительности, особенно, если эта действительность не отвечает представлениям человека об «идеальном». Часто в религиозно-философских воззрениях поэтов начала XX в. инобытие понимается как сакральное (божественное) бытие.

в лирике данного периода **трех типов субъектной организации**, которые можно обозначить как **взаимозаменяемый, иерархический и уравнивающий**.

Таким образом, ВТСО демонстрирует невозможность выделения в субъектной организации стихотворения определенного субъекта сознания; ИТСО исключает отождествление автора и героя и определяет между ними некоторую дистанцию; УТСО указывает на нивелирование принципа иерархичности в системе отношений «Бог – человек» и, соответственно, в системах «Творец – творение», «Автор – герой», что проявилось в уравнивании статуса автора и других субъектов сознания.

Сложный процесс индивидуализации субъектной организации поэзии в начале XX в. делает необходимым выделение наряду с явлением *субъектно-неосинкретизма* феномена⁶ *идейно-*

субъектной пограничности (нахождение лирического героя на «границе» разных философских и религиозных идей, проявившееся в межсубъектности). Идеиная и субъектная пограничность позволила герою одновременно представлять различные концепции бытия, небытия и инобытия, разное понимание реального и идеального, человеческого и божественного, единство взаимоисключающих критериев уродливого и прекрасного.

В результате соединения разных типов субъектной организации в лирике начала XX в. происходит постоянное смещение субъектных границ. Синтез принципов синкретической поэзии и поэтики художественной модальности способствовал формированию различных вариаций субъектно-объектных отношений. Рассмотрим реализацию такого синтеза на примере анализа сти-

⁶ Под феноменом мы, вслед за М. Хайдеггером, понимаем явление «себя-в-себе-самом-показывающее», которое основывается на изначальной

временности земного бытия и имеет реализацию в речевой сфере.

хотворений Анны Ахматовой, Марины Цветаевой и Анны Барковой – поэтов, которые принадлежали к разным художественным школам, но в начале своей творческой деятельности находились под сильным влиянием символизма.

Идейно-эстетическое содержание стихотворения Ахматовой «Уединение» (1914) конструируется на принципах язычества и христианства, поэтому субъектно-объектные отношения в произведении демонстрируют синтез взаимозаменяемого и иерархического типов субъектной организации (ВТСО и ИТСО) с преобладанием второго:

*Так много камней брошено в меня,
Что ни один из них уже не страшен,
И стройной башней стала западня,
Высокою среди высоких башен.
Строителей ее благодарю,
Пусть их забота и печаль минует.
Отсюда раньше вижу я зарю,
Здесь солнца луч последний торжествует.
И часто в окна комнаты моей
Влетают ветры северных морей,
И голубь ест из рук моих пшеницу...
А не дописанную мной страницу,
Божественно спокойна и легка,
Допишет Музы смуглая рука.*

(Ахматова, 1990, 73–74.

Выделено мной. – Е.Л.).

Принцип множественности реализуется, с одной стороны, через единство башни, в которой заключена лирическая героиня, с другими «высокими башнями», а с другой, – посредством взаимозаменяемости первичного субъекта сознания и речи (героини) и Музы – вторичного субъекта сознания, который в финале стихотворения становится первичным. Такой переход характерен для иерархического типа субъектной ор-

ганизации – контролирующее Божественное начало, проявившееся в образе Музы, определяется высшим субъектом сознания (собственно автором) как главенствующее.

Семантика центральных образов стихотворения также отражает мировоззренческую «переходность», пограничность. Традиционные для фольклорной песенной традиции образы **ветра** и **голубя**, обретают христианскую символику: *ветры и голубь*, который ест из рук героини **пшеницу (ветры – голубь – пшеница⁷)**, концептуально представляют единство синонимичных им образов **дух – душа – плод**. Таким образом, поэтическое слово интерпретируется автором как духовное наставление для читателя, а лирический герой рассматривается как визионер.

Взаимодействие предметных образов в стихотворении Цветаевой «С большою нежностью – потому...» (1915) демонстрирует неразрывную связь духовного и вещного планов бытия. В ожидании приближающейся смерти первичный субъект сознания (лирическая героиня) размышляет о том, кому достанется то, что принадлежало ему при жизни:

*С большой нежностью – потому,
Что скоро уйду от всех, –
Я все раздумываю, кому
Достанется волчий мех,
Кому – разнеживающий плод
И тонкая трость с борзой,
Кому – серебряный мой браслет.*

⁷ В христианстве **ветер** «символизирует дух, живое дыхание вселенной, силу духа в поддержании жизни», а **голубь** – «дух жизни, душу», это «символ Святого Духа, чистоты, вдохновенной мысли, мира»; **пшеница**, колосья пшеницы понимаются как «хлеб Евхаристии, тело Христово, благодать, праведное, Божье» (Купер 1995, 35, 58, 100).

*Осыпанный бирюзой...
И все записки, и все цветы,
Которых хранить невмочь...
Последняя рифма моя – и ты,
Последняя моя ночь!*

(Русская поэзия XIX – начала XX века
1987, 754. Выделено мной. – Е.Л.)

Э. Кассирер справедливо указывает на то, что мир предметов является одной из поэтических реальностей, тесно связанных с духовной жизнью (Кассирер 2001, 167–186). Смыслообразующее взаимопроникновение **духовного** и **вещного** подтверждает содержание стихотворения, в котором объекты с субъектной функцией **мех, плед, трость, браслет, записки, цветы, рифма, ночь** предстают как части целого (а именно – лирической героини). Так реализуется индивидуально-авторское понимание субъектного неосинкретизма: первичный субъект сознания (героиня) не отделяет себя от вторичного субъекта сознания, обозначенного местоимением *все*, и вещного мира. Коммуникативная стратегия, выбранная высшим субъектом сознания (собственно автором), демонстрирует принципы третьего типа субъектной организации (УТСО). Идейно-субъектная пограничность здесь реализуется в **пространственной и временной точках зрения**⁸ **через оппозицию «жизнь-смерть»: первичный субъект сознания уже не здесь (бытие), но еще не там (небытие), соответственно лирический субъект находится «на границе» реального и ирреального времени.**

⁸ Б. О. Корман характеризует **пространственную и временную точки зрения** следующим образом: «отношение между субъектом и объектом в пространстве образует (определяет) пространственную точку зрения, во времени – временную» (Корман 1992, 216).

На основе идейно-субъектной пограничности строится субъектная организация стихотворения Барковой «Душа течет» (1921):

*Каждый день по улице пыльной устало,
Каждый день прохожу.
Но себя, какую вчера оставила,
Не нахожу.*

*И встают, встают **двойники-привиденья**
Многоразного Я.*

*Отчаянно кричу в удушливый день я:
«**Где душа моя?**»*

(Баркова 2002, 17–18.

Выделено мной. – Е.Л.)⁹

Многосубъектность, приводящая лирическую героиню к утрате целостности своего «я», а потому – к поиску истинной сущности души, соотносится с выбранной автором коммуникативной стратегией (трансформация ВТСО в УТСО), формирующей игровое начало: «Двойники, двойники мои неисчислимы / За мной скользят, / За мной, и рядом, и проходят мимо... / А воскресить нельзя». Созданная высшим субъектом сознания «концепция реальности» приводит героиню Барковой (как и героиню Цветаевой) к пространственной и временной пограничности: «Я каждый миг зарождаюсь, / Каждый мир умираю, / Вечно не та. / Каждый миг навсегда я себя теряю... / Остановиться бы, встать!».

Лишь в одном фрагменте стихотворения проявлены черты ИТСО: «Я впадаю в **неведомые тихие реки, / Куда-то теку. / И, быть может, себя не узнаю веки, / Не убью тоску**». Однако осознание лирической героиней присутствия контролирующего субъекта воспринимается ей негативно: «И неотступно

⁹ Далее стихотворение цит. по этому изданию.

то, что меня тревожит, / Идет за мной». Она раздражена своим подчиненным положением, поэтому стремится к свободе, что выражено приказом в форме проклятия: «**Не смотрите** же, дивясь, в лицо напряженное: / **Тоните в пыли!**». Идеино-субъектная пограничность в данном случае становится причиной того, что лирическая героиня постоянно находится в состоянии неведения. Даже в финале стихотворения, где есть указание на самоуправление первичного субъекта сознания и речи («Я воды в течении своем изменяю, / Куда-то льюсь»), восстановление «я» не происходит. Героиня обреченно задает вопрос, направленный не только к самой себе или к воспринимающему созна-

нию, но и к автору: «Неужели никогда я себя не узнаю, / Не остановлюсь?»

Очевидно, что индивидуализация субъектно-объектных отношений в поэзии Ахматовой, Цветаевой и Барковой основывается на взаимодействии разных типов субъектной организации, показывающем сущность неосинкретизма как принципа неклассической поэтики. Следствием соединения разных концепций бытия в эстетическом содержании лирики начала XX в. стал феномен идеино-субъектной пограничности, который менял в структуре поэтического текста статус субъектов и объектов, их функции в соответствии с религиозно-философским мировоззрением автора.

ЛИТЕРАТУРА

Ахматова, А. 1990. *Сочинения в 2 т.* Москва: Изд-во «Правда». Т. 1.

Баркова, А. 2002. «...Вечно не та». Москва: Фонд Сергея Дубова.

Бахтин, М. М. 1979. *Эстетика словесного творчества.* Москва: Искусство.

Бройтман, С. Н. 1997. *Русская лирика XIX – начала XX века в свете исторической поэтики (субъектно-образная структура).* Москва: РГГУ.

Кассирер, Э. 2001. *Философия символических форм.* В 3 т. / Пер. с нем. С. А. Ромашко. Москва; С.-Петербург: Университетская книга. Т. 2.

Корман, Б. О. 1997. *Практикум по изучению художественного произведения.* Ижевск: Изд-во ИПК; ПРО УР.

Корман, Б. О. 2003. *Избранные труды по*

теории и истории литературы. Ижевск: Изд-во Удмуртского ун-та.

Купер, Дж. 1995. *Энциклопедия символов.* Москва: Ассоциация Духовного Единения «Золотой век». Кн. IV.

Левин, Ю.И. 1998. Лирика с коммуникативной точки зрения. *Левин, Ю. И. Избранные труды: Поэтика. Семиотика.* Москва: «Языки русской культуры». 464–482.

Русская поэзия XIX – начала XX века, 1987. Москва: Художественная литература.

Тамарченко, Н. Д., Тюпа, В. И., Бройтман, С. Н. 2008. *Теория литературы: Т. 1. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика.* 3-е изд. Москва: Издат. центр «Академия».

Тюпа, В. И. 2009. *Анализ художественного текста.* 3-е изд. Москва: Издат. центр «Академия».

REFERENCES

Akhmatova, A. 1990. *Sochineniya v 2 t.* [Works in 2 vol.]. Moscow: “Pravda” publishing. Vol. 1.

Bakhtin, M. M. 1979. *Estetika slovesnogo tvorchestva.* [The Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow: “Iskusstvo” publishing.

Barkova, A. 2002. „... Vechno ne ta“. [“Forever not the same”]. Moscow: Publ. by Fond Sergeja Dubova.

Broitman, S. N. 1997. *Russkaya lirika XIX – nachala XX veka v svete istoricheskoi poetiki*

(*sub"ektno-obraznaya struktura*). [Russian lyric poetry of the 19th – early 20th century in the light of historical poetics: The Subject-image structure]. Moscow: RGGU.

Cassirer, E. 2001. *Filosofiya simbolicheskikh form. V 3 t.* [Philosophy of Symbolic Forms. In 3 vol.]. Transl. by S. A. Romashko. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya kniga. T. 2.

Cooper, J. 1995. *Entsiklopediya simbolov*. [Encyclopaedia of Symbols]. Moscow: Assotsiatsiya Dukhovnogo Edineniya "Zolotoi vek". Book IV.

Korman, B. O. 1997. *Praktikum po izucheniyu hudozhestvennogo proizvedeniya*. [Workshop on the study of a work of fiction]. Izhevsk: IPK; PRO UR publishing.

Korman, B. O. 2003. *Izbrannye trudy po teorii i istorii literatury*. [Selected works on the theory and history of literature]. Izhevsk: Udmurt State University publishing.

Levin, Yu. 1998. *Lirika s kommunikativnoi tochki zreniya*. [Lyrics from the communicative point of view]. *Levin, Ju. Izbrannye trudy: Poetika. Semiotika*. [Selected works. Poetics. Semiotics]. Moscow: Jazyki russkoj kul'tury, 464–482.

Russkaya poeziya XIX – nachala XX veka, 1987. [Russian poetry of the 19th – early 20th century]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

Tamarchenko, N. D., Tyupa, V. I., Broitman, S. N. 2008. *Teoriya literatury: T. 1. Teoriya khudozhestvennogo diskursa. Teoreticheskaya poetika*. [The Theory of Literature: Vol. 1. The Theory of Fictional Discourse. The Theoretical Poetics]. 3th ed. Moscow: Publishing centre "Akademija".

Tyupa, V. I. 2009. *Analiz khudozhestvennogo teksta*. [Analysis of fiction text]. 3th ed. Moscow: Publishing centre "Akademija".

ABOUT NEOSYNCRETISM OF THE SUBJECT ORGANIZATION OF THE RUSSIAN LYRICS OF THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY (ON POETRY MATERIAL OF A. AKHMATOVA, M. TSVETAeva, A. BARKOVA)

Ekaterina Loktevich

S u m m a r y

In the article, the reasons of the individualization of the subject organization of the Russian lyrics of the beginning of the 20th century, showing the synthesis of different communicative strategy, are established. The typology of the subject organization of poetry of the period is located, the essence and the principles

of the functioning of the phenomenon of an ideological and subject borderline are characterized. The analysis of poems of A. Akhmatova, M. Tsvetaeva and A. Barkova shows the role of neosyncretism in the formation of variations of the subject–object relations.

APIE XX AMŽIAUS PRADŽIOS RUSŲ LYRIKOS SUBJEKTYNĖS ORGANIZACIJOS NEOSINKRETIZMĄ (A. ACHMATOVA, M. CVETAJEVA, A. BARKOVA)

Jekaterina Loktevič

S a n t r a u k a

Straipsnyje aiškinamos XX a. pr. rusų lyrikos, kurioje demonstruojama įvairių komunikatyvinių strategijų sintezė, subjektyinės organizacijos individualizavimo priežastys. Pagrindžiama tiriamo laikotarpio poezijos subjektyinės organizacijos tipologija, api-

brėžiama idėjų ir subjektų paribio fenomeno esmė ir funkcionavimo principai. Anos Achmatovos, Marinos Cvetajevės ir Anos Barkovos eilėraščių analizė rodo neosinkretizmo vaidmenį formuojant įvairias subjektų ir objektų santykių variacijas.

Получено: 2014, декабрь

Принято: 2014, декабрь

Адрес автора:

г. Лида, ул. Кооперативная д. 24, кв. 24

231300 Беларусь

E-mail: lichorad.kat@mail.ru